

Мегрэ сердится

ГЛАВА 1

Старая дама приходит в сад

Мадам Мегрэ, которая лущила горох, сидя в густой тени, где голубизна ее фартука и зелень стручков выделялись яркими пятнами, мадам Мегрэ, чьи руки никогда не знали покоя и не могли остаться без дела даже в два часа пополудни самого знойного из всех августовских дней, мадам Мегрэ, неустанно следившая за своим мужем, как за младенцем, вдруг встревожилась:

— Да ты, никак, уже собираешься встать!

Меж тем шезлонг, в котором возлежал Мегрэ, даже не скрипнул, бывший комиссар полиции даже не шелохнулся.

Но она хорошо знала его и не могла не заметить, как слегка передернулось его лоснящееся от пота лицо. Ведь он и в самом деле хотел подняться, но теперь из самолюбия продолжал лежать.

С тех пор как комиссар ушел в отставку, они проводили уже второе лето в своем доме в Мен-сюр-Луар. Не прошло и четверти часа, как Мегрэ с удовольствием растянулся в шезлонге, спокойно дымя своей трубкой. Свежесть в этом уголке ощущалась тем заметнее, что всего в двух метрах отсюда резко обозначалась граница солнца и тени и вы попадали в настоящее пекло, где жужжали несносные мухи.

Горошинки ритмично падали одна за другой в эмалированную миску. Мадам Мегрэ сидела, расста-

вив колени; натянутый на них передник был полон стручков, а рядом стояли еще две корзины, полные горошка, который она собрала утром для консервирования.

Супругам Мегрэ больше всего нравился в доме этот уютный уголок между кухней и садом — нечто вроде дворика под навесом, наподобие испанского внутреннего дворика, где они поставили буфет и даже устроили плиту.

Там они обычно завтракали и обедали. Пол был вымощен красными плитками, от которых в тени было еще прохладнее.

Мегрэ выдержал пять минут, может быть чуть побольше. Глядя сквозь полуприкрытые веки на огород, который, казалось, курился под палящим солнцем, он наконец не выдержал и, отбросив самолюбие, решительно встал.

— Что ты собираешься еще делать?

В эту минуту Мегрэ был похож на надувшегося малыша, которого застали за какой-нибудь шалостью. Такое выражение появлялось у него довольно часто, когда они бывали вдвоем с женой.

— Я уверен, что колорадские жуки опять набросились на баклажаны, — проворчал он. — А все из-за твоего салата...

Уже целый месяц у них велись перепалки из-за этого салата, посаженного мадам Мегрэ на свободные места между кустами баклажанов.

— Незачем земле даром пропадать, — заявила она.

Тогда Мегрэ не возражал. Он и не подумал, что колорадский жук пожирает баклажанные листья еще охотнее, чем картофельную ботву. А теперь из-за салата нельзя было полить их раствором мышьяка.

Мегрэ, не расставаясь со своей широкополой соломенной шляпой, раз по десять на день склонялся

над бледно-зелеными листьями и тщательно обследовал их, стараясь не упустить ни одного жучка. Он набирал их целую пригоршню и потом, бурча себе что-то под нос, бросал в огонь, сердито поглядывая на жену.

— Все это из-за твоего салата.

По правде говоря, с тех пор как комиссар ушел на пенсию, он и часу спокойно не посидел в своем знаменитом шезлонге, который торжественно принес с базара у Ратуши, обещав жене, что ежедневно будет проводить в нем послеполуденные часы.

А теперь он стоял на солнцепеке, в деревянных сабо на босу ногу, в синих полотняных штанах, которые болтались у него на бедрах, топорщась сзади, словно слоновья кожа, в крестьянской рубаше с затыливым узором, распахнутой на груди.

Мегрэ услышал стук деревянного молотка, прокатившийся в пустых и затененных комнатах, словно удары колокола под монастырскими сводами. Кто-то стучал у входной двери, и мадам Мегрэ растерялась, как всегда в таких случаях, когда кто-нибудь приходил без предупреждения. Она издали посмотрела на мужа, словно спрашивая у него совета. Потом приподняла свой фартук, полный стручков, не зная, куда их высыпать, и наконец развязала его: ведь она никогда бы не позволила себе подойти к двери в затрапезном виде.

Молоток стукнул еще раз, два, три раза — повелительно, прямо гневно. Мегрэ послышались приглушенные звуки автомобильного мотора. Он по-прежнему стоял, склонившись над баклажанами, в то время как его жена поправляла свои седые волосы перед маленьким зеркалом.

Едва она успела скрыться в тени дома, как распахнулась маленькая калитка со стороны переулка,

которой пользовались только хорошие знакомые супругов Мегрэ, и показалась старая дама в трауре, высокомерная и в то же время такая забавная, что ее появление, должно быть, надолго запомнилось комиссару.

Постояв секунду у калитки, она легким решительным шагом, который так не вязался с ее возрастом, направилась прямо к Мегрэ.

— Послушайте, голубчик... Только не вздумайте говорить, что вашего хозяина нет дома... Я уже навела справки...

Она была высока, сухопара, с морщинистым лицом, на котором от жары сквозь густой слой пудры проступали капельки пота. На ее лице особенно заметны были глаза — необыкновенно черные и необыкновенно живые.

— Сейчас же ступайте и скажите ему, что Бернадетта Аморель проехала сто километров, чтобы поговорить с ним.

У нее, конечно, не хватило терпения дожидаться перед закрытой дверью. Она к такому не привыкла. Она уже успела расспросить соседей, и ее не обманули закрытые ставни на окнах.

Показал ли ей кто-нибудь маленькую садовую калитку? Едва ли. Она и сама могла найти ее. И теперь она направлялась к маленькому тенистому дворику, куда только что вернулась хозяйка дома.

— Пойдите и передайте комиссару Мегрэ...

Мадам Мегрэ недоумевала. Ее муж, тяжело ступая, шел вслед за старой дамой, лукаво поглядывая на нее. Потом он сказал:

— Если вы потрудитесь войти в дом...

— Бьюсь об заклад, что он уже храпит после обеда. А что, он по-прежнему такой же толстый?

— Вы его хорошо знаете?

— А какое ваше дело? Ступайте и скажите, что его ждет Бернадетта Аморель, а остальное вас не касается.

И, тут же спохватившись, порылась в черном бархатном ридикюле с серебряным замком, какие были в моде еще в начале века.

— Возьмите! — И старуха протянула ему несколько франков.

— Простите, мадам Аморель, но я вынужден отказать. Видите ли, я и есть бывший комиссар Мегрэ.

И тут старуха изрекла фразу, которая им надолго запомнилась. Оглядев его с ног, обутых в сабо, до растрепанных волос — он успел снять свою соломенную шляпу, — она проронила:

— Ну, если вам так угодно...

Бедная мадам Мегрэ! Напрасно она подавала мужу знаки. Он их не замечал. А она хотела дать ему понять, чтобы он проводил даму в гостиную... Разве можно принимать людей во дворе, где занимаются страпней и другими домашними делами?..

Но мадам Аморель уже устроилась в маленьком плетеном кресле и, казалось, прекрасно себя в нем чувствовала. Она первая заметила, что мадам Мегрэ чем-то встревожена, и бросила ей с нетерпением:

— Ах, да оставьте же комиссара в покое!

Еще немного, и она могла бы попросить мадам Мегрэ удалиться, но та и сама не замедлила сделать это. В присутствии гости продолжать работу было нелегко.

— Надеюсь, комиссар, моя фамилия вам знакома?

— Аморель... Песочные карьеры и буксиры?

— Совершенно верно. «Аморель и Кампуа».

Когда-то, много лет назад, ему пришлось заниматься расследованием одного дела в верховьях Се-

ны, и он видел, как по реке целый день проходили караваны судов с зеленым треугольником фирмы «Аморель и Кампуа». А в Париже, на острове Сен-Луи, когда он еще служил в сыскной полиции, Мегрэ частенько проходил мимо конторы «Аморель и Кампуа» — владельцев песчаных карьеров и грузовых судов.

— Я не могу терять времени, выслушайте меня. Сегодня, когда мой зять и дочь отправились в гости к Маликам, я велела Франсуа быстро выкатить наш старенький «рено»... Они об этом и не догадываются. Они, конечно, до вечера не вернутся домой... Вы поняли?

— Нет... Да...

Пока что он понял только одно: старая дама уехала из дому тайком, без ведома своей семьи.

— Могу побожиться: знай они, что я здесь...

— Простите, а где вы живете?

— Ну конечно в Орсене!

Таким тоном могла бы сказать королева Франции: «Ну конечно в Версале!»

Разве не всем было известно, что Бернадетта Аморель — фирма «Аморель и Кампуа» — жила в Орсене, деревушке на берегу Сены, между Корбе-ем и лесом Фонтенбло?

— Что вы на меня смотрите, как на помешанную?— продолжала старая дама. — Конечно, они постараются вам это внушить... Но вы не верьте им.

— Простите, мадам, могу ли я позволить себе спросить, сколько вам лет?

— Позволяю, молодой человек. Седьмого сентября мне стукнет восемьдесят два... Но у меня еще нет ни одного вставного зуба, если это вас интересует. И вполне возможно, что я еще успею кое-кого похоронить... Кстати, я была бы счастлива похоронить своего зятя...

— Не хотите ли чего-нибудь выпить?

— Стакан холодной воды, если у вас найдется.

Он сам подал ей стакан.

— В котором часу вы выехали из Орсена?

— В половине двенадцатого. Как только они ушли... Я предупредила Франсуа. Франсуа служит у нас помощником садовника... Он славный малый... Я помогала его матери при родах, когда он появился на свет... Никто в доме и не подозревает, что он умеет водить автомобиль... Однажды ночью, когда мне не спалось — надо вам сказать, комиссар, что я никогда не сплю, — я заметила, как он при лунном свете пытается завести наш старенький «рено»... Это вас интересует?

— Очень.

— Такие-то пустяки!.. Старая машина стояла уже не в гараже, а в конюшне. Это лимузин, который остался еще от моего мужа... С тех пор как он умер, прошло уже двадцать лет, так что можете судить сами... Так вот, этот парнишка — не знаю, как ему удалось, — сумел починить машину и ночью разъезжал на ней по дорогам.

— Это он вас сюда привез?

— Да. Он ждет меня у дома...

— Вы не завтракали?

— Я ем только тогда, когда у меня есть свободное время. Терпеть не могу людей, которым вечно хочется есть...

При этом она невольно окинула укоризненным взглядом толстый живот комиссара.

— Вот видите, как вы потеете. Но это ваше дело... Мой муж тоже хотел все делать по-своему, и его давно нет в живых... Ведь вы уже два года на пенсии, не так ли?

— Да, скоро будет два года.

— Значит, вы скучаете. И стало быть, согласитесь сделать то, что я вам предложу... В пять часов здесь останавливается поезд, идущий на Орлеан, и я могла бы по дороге подбросить вас на вокзал. Конечно, самое простое — отвезти вас на машине прямо в Орсен, но вас там сразу заметят, и все дело будет загублено.

— Простите, мадам, но...

— Я так и знала, что вы заупрямитесь. Но послушайте меня! Мне просто необходимо, чтобы вы провели несколько дней в Орсене... Пятьдесят тысяч, если справитесь с делом. А если не получится — пусть будет десять тысяч плюс все издержки.

Она открыла сумку и стала перебирать приготовленные банкноты.

— В Орсене есть гостиница. Вы не рискуете ошибиться, другой у нас нет. Она называется «Ангел». Вам там будет ужасно неудобно, потому что бедная Жанна — полусумасшедшая. Ее я тоже знала совсем маленькой. Быть может, сначала она не захочет вас принять, но вы сумеете с ней поладить, я в этом не сомневаюсь. Она будет довольна, если вы заведете с ней разговор о болезнях. Она убеждена, что у нее есть все до одной!

Мадам Мегрэ принесла поднос с кофе, но старая дама, не оценив этой любезности, отослала ее обратно:

— Что это значит? Кто вам велел приносить кофе? Унесите...

Она приняла ее за служанку, так же как поначалу приняла Мегрэ за садовника.

— Я могла бы порассказать вам такое... но я о вас много слышала и понимаю, что у вас и у самого хватит ума, чтобы во всем разобраться. Советую вам только одно: не давайте моему зятю обвести вас во-

круг пальца. Он может опутать любого. Весьма любезен — другого такого любезного человека не найдешь, любезен до тошноты. Но в тот день, когда ему отрубят голову...

— Простите, мадам...

— Вы слишком много извиняетесь, комиссар. У меня была внучка, единственная внучка — дочь этого проклятого Малика! Малик — фамилия моего зятя. Это вы тоже должны знать. Шарль Малик... Моей внучке, Моните, на будущей неделе исполнилось бы восемнадцать лет...

— Вы хотите сказать, что она умерла?

— Ровно неделю назад. Позавчера мы ее похоронили. Ее тело прибило к нижней плотине... А раз Бернадетта Аморель говорит вам, что это не несчастный случай, вы должны ей верить. Монита плавала как рыба. Кое-кто попытается вас убедить, что она была неосторожной, любила купаться в одиночестве в шесть часов утра, а иногда даже ночью. И все-таки утонуть она не могла! А если они будут твердить, что она, быть может, хотела покончить с собой, скажите им, что они лгут.

Внезапно, без всякого перехода, комедия превратилась в трагедию, но странно: старая дама не плакала. Ее удивительно черные глаза даже не увлажнились.

Она шла напролом, уверенная в своей правоте, не считаясь ни с чем. Теперь она, по-видимому, ни на минуту не сомневалась, что уже завоевала Мегрэ только потому, что ей этого захотелось.

Она тайком уехала из дома в невероятном автомобиле, с парнишкой, который едва умел водить машину. Так она пересекла всю территорию Бос, не позавтракав, в самое жаркое время дня. Теперь она нетерпеливо посматривала на часы, которые по-старомодному носила на цепочке, как медальон.

— Если у вас есть ко мне какие-нибудь вопросы, задавайте побыстрее, — заявила она, уже готовая подняться.

— Как я понял, вы не любите своего зятя?

— Ненавижу.

— Ваша дочь тоже его ненавидит? Она несчастлива в браке?

— Этого я не знаю и знать не хочу!

— Вы не ладите с дочерью?

— Предпочитаю не обращать на нее внимания. Она такая бесхарактерная, такая безвольная...

— Вы сказали, что семь дней назад, то есть в прошлый вторник, ваша внучка утонула в Сене.

— Ничего подобного я не говорила. Нужно повнимательней слушать. Мониту нашли мертвой в Сене, у нижней плотины.

— Однако никаких телесных повреждений обнаружено не было, и врач выдал разрешения на похороны?

Она только окинула его высокомерно-презрительным взглядом, в котором промелькнула тень жалости.

— Как я понимаю, только вы одна подозреваете, что смерть девушки могла быть насильственной?

На этот раз она не выдержала:

— Послушайте, комиссар! У вас репутация самого умного полицейского во Франции. По крайней мере, самого удачливого. Одевайтесь! Сложите вещи в чемодан! Через полчаса я высажу вас на вокзал в Обрэ. В семь часов вечера вы будете уже в гостинице «Ангел». Нам лучше сделать вид, что мы незнакомы. Каждый день, в полдень, Франсуа будет заходить в «Ангел», чтобы выпить там аперитив. Вообще-то, он не пьет, но я ему прикажу. Таким образом мы сможем общаться, так что им и в голову ничего не придет.

Она направилась в сад, видимо, несмотря на жару, решив прогуляться в ожидании Мегрэ.

— Поторпливайтесь! — сказала она комиссару. Затем, повернувшись к нему, добавила: — Будьте любезны, дайте чего-нибудь попить Франсуа. Он, наверное, сидит в машине. Можно вина, разбавленного водой. Только не давайте чистого. Ведь ему еще нужно отвезти меня домой, а он не привык к вину.

Мадам Мегрэ, которая, должно быть, все слышала, ждала мужа у двери в переднюю.

— Что ты собираешься делать, Мегрэ? — спросила она, когда ее муж направился к лестнице, перила которой были украшены медными шариками.

В доме было прохладно, приятно пахло мастикой, свежим сеном, зреющими фруктами и вкусным домашним обедом. Мегрэ снова, через пятьдесят лет, вдыхал запахи, так напоминавшие ему раннее детство, дом родителей.

— Надеюсь, ты не поедешь с этой выжившей из ума старухой?

Мегрэ оставил сабо на пороге. Он шел босиком сначала по холодным плиткам, потом по натертым мастикой дубовым ступенькам лестницы.

— Дай шоферу чего-нибудь попить и поднимись наверх, помоги мне уложить чемодан, — сказал он.

Глаза у него заблестели. Он сам заметил этот блеск, когда взглянул на себя в зеркало, подойдя к умывальнику, чтобы освежить лицо холодной водой.

В поезде было жарко. Устроившись в уголке, Мегрэ курил трубку. В окнах мелькали откосы с пожелтевшей травой, маленькие, утопающие в цветах вокзалы, промелькнул и какой-то человек, стоящий на солнцепеке, забавно помахивая красным флажком и дуя в свой свисток, как мальчишка.

Виски у Мегрэ поседел. Он стал немного спокойнее, немного тяжеловеснее, чем прежде, но самому ему казалось, что он не постарел с тех пор, как оставил службу в сыскальной полиции.

За это время страховые компании, банки и ювелиры не раз предлагали ему заняться сложными расследованиями, но он то ли из гордости, то ли из скромности всякий раз отказывался.

На набережной Орфевр могли бы сказать: «Бедный Мегрэ клюнул на приманку. Видно, ему уже надоело возиться в саду и удить рыбу...»

А теперь он так легко дал уговорить себя этой старой даме, неожиданно появившейся у них в саду.

Он вновь представил ее себе, чопорную и важную, в допотопном лимузине, управляемом с опасной смелостью каким-то Франсуа, одетым как садовник и не успевшим сменить свои сабо на ботинки.

Он явственно слышал, как она говорила ему, после того как мадам Мегрэ помахала им с порога рукой, когда машина отъехала от дома:

— Значит, это ваша жена? Наверное, я обидела ее, приняв за служанку. Я и вас сначала приняла за садовника...

И, высадив его у вокзала в Обрэ, где Франсуа, путая скорости и внезапно дав задний ход, чуть было не врезался в стайку велосипедистов, снова отправилась в свое более чем рискованное путешествие.

Было время отпусков. Все парижане устремились за город; их автомобили быстро мчались по дорогам, по речкам скользили лодки, и под каждой ивой сидели рыбаки в соломенных шляпах.

Орсен был полустанком, на котором снисходительно останавливались лишь редкие поезда. Сквозь деревья в парках проглядывали крыши нескольких больших вилл, а за ними — широкая в этом месте, величественная Сена.

Сам Мегрэ затруднился бы ответить, почему он подчинился приказанию Бернадетты Аморель. Может быть, с досады на колорадских жуков?

И вдруг он тоже почувствовал себя в отпуске, как эти люди, с которыми ехал в поезде, которых встречал, спускаясь по крутой тропинке, которых видел повсюду, с тех пор как покинул Мен.

Здесь дышалось намного легче, чем у него в саду, и он бодро шагал по незнакомой местности; спустившись вниз по откосу, вдруг увидел Сену, протекавшую вдоль широкой дороги, по которой мчались машины.

От самого вокзала стали попадаться надписи со стрелками: «Гостиница „Ангел“». Придерживаясь указанного направления, он попал в сад с запущенными аллеями и в конце концов толкнул дверь веранды, где было душно от солнца, нагретого застоявшийся между стеклянными стенками воздух.

— Есть тут кто-нибудь? — спросил он.

Никто не откликнулся. На подстилке лежала кошка, в углу стояли удочки.

— Есть кто-нибудь?

Он спустился на одну ступеньку и очутился в гостиной, где лениво раскачивался медный маятник старых часов; каждый раз, как он описывал дугу, раздавался щелчок.

— Ни души в этой лачуге! — проворчал он.

И в ту же минуту рядом с ним что-то зашевелилось. Мегрэ вздрогнул и заметил в темноте какое-то существо, завернутое в одеяла. Это была женщина — конечно, та самая Жанна, — о которой говорила ему мадам Аморель. Черные жирные волосы свисали по обеим сторонам ее лица, а на щее белел толстый компресс.

— Закрыто! — хрипло сказала она.

— Знаю, мадам! Мне говорили, что вы нездоровы...

Ой! Не слишком ли невыразительно это «нездоровы»? Не прозвучало ли оно для нее как оскорбление?

— Вы хотите сказать, что я уже почти при смерти? Никто не хочет мне верить... Все мне досаждают...

Наконец, отбросив одеяло, покрывавшее ее ноги, она встала и засунула свои широкие ступни в войлочные шлепанцы.

— Кто вас ко мне послал?

— Представьте себе, что я здесь когда-то оставался, уже больше двадцати лет назад, а теперь решил навестить этот дом...

— Значит, вы знали Мариуса?

— Черт возьми! Конечно!

— Бедный Мариус! Вы знаете, что он умер?

— Мне говорили. Не хочется этому верить...

— А почему?.. Ведь он тоже не отличался крепким здоровьем... Вот уже три года, как его нет, а я все еще маюсь... Вы хотите здесь переночевать?

Она взглянула на чемодан, который Мегрэ оставил на пороге.

— Да, я хотел бы пожить здесь несколько дней. Конечно, если ничем не стесню вас. В вашем-то состоянии...

— Вы приехали издалека?

— Из окрестностей Орлеана.

— На машине?

— Нет, поездом...

— А ведь сегодня поезда уже не будет. Боже мой! Боже мой! Раймонда!.. Раймонда!.. Опять она куда-то убежала... Подождите! Мы с ней подумаем... Если она согласится. Она ведь со странностями. Хоть она и служанка, но, пользуясь моей болезнью, делает

все, что ей взбредет в голову. Можно подумать, что командует здесь она... Глядите-ка! А этому что здесь понадобилось?

Она смотрела в окно. К дому кто-то приближался, слышался хруст гравия. Мегрэ взглянул в окно и нахмурился. Посетитель ему смутно кого-то напоминал.

На незнакомце был костюм для прогулок или для игры в теннис: белые фланелевые брюки, белый пиджак и туфли; бывшему комиссару бросилась в глаза траурная повязка у него на рукаве.

Он вошел с видом завсегдатая.

— Здравствуй, Жанна.

— Что вам угодно, месье Малик?

— Я пришел, чтобы спросить у тебя...

Внезапно он осекся, уставился на Мегрэ и вдруг, улыбнувшись, воскликнул:

— Жюль! Вот это да!.. А ты что здесь делаешь?

— Простите...

Прежде всего вот уже долгие годы никто не называл его Жюлем, и он уже стал забывать свое имя. Даже у жены была странная привычка, которая в конце концов стала его забавлять: она тоже называла его Мегрэ.

— Ты не припоминаешь?

— Нет...

Однако эти румяные щеки, правильные черты лица, крупноватый нос, светлые, слишком светлые глаза кого-то ему напоминали. Да и фамилия Малик, когда ее в первый раз произнесла мадам Аморель, показалась ему знакомой.

— Эрнест...

— Как Эрнест?

Разве мадам Аморель говорила не о Шарле Малике?

— Помнишь лицей в Мулене?

Мегрэ действительно учился три года в Муленском лицее в те времена, когда его отец был управляющим соседним замком. Но все же...

Странное дело: хотя в точности он ничего не мог припомнить, холеное лицо этого самоуверенного человека вызывало у него какие-то неприятные ассоциации. Кроме того, он терпеть не мог, когда его называли на «ты». Фамильярность его всегда коробила.

— Сборщик налогов...

— Да... Вспомнил... Никогда бы вас не узнал.

— Что ты здесь делаешь?

— Я? Да...

Эрнест Малик расхохотался.

— Об этом сейчас поговорим... Я и раньше прекрасно знал, что комиссар Мегрэ не кто иной, как мой старый друг Жюль. Помнишь учителя английского языка?.. Незачем готовить ему комнату, Жанна. Мой друг будет ночевать у меня, на вилле...

— Нет! — ворчливо заявил Мегрэ.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что буду ночевать здесь... С Жанной мы уже договорились.

— Ты настаиваешь?

— Да, настаиваю.

— Из-за старухи?

Хитрая улыбка промелькнула на тонких губах Эрнеста Малика, и эта улыбка тоже была улыбкой мальчишки, которого Мегрэ знал когда-то.

Его прозвали в лицее Сборщиком, потому что его отец служил сборщиком налогов в Мулене. Тогда он был очень худым, с узким, как лезвие ножа, лицом и светлыми, неприятно-серыми глазами.

— Не смущайся, Жюль... Сейчас ты все поймешь... Ну-ка, Жанна, не бойся, скажи честно: выжила моя теща из ума или нет?

А Жанна, неслышно ступая в своих войлочных шлепанцах, равнодушно пробормотала:

— Я предпочитаю не вмешиваться в ваши семейные дела.

Теперь она уже смотрела на Мегрэ с меньшей симпатией, если не сказать — с неприязнью.

— Ну так что, вы остаетесь или уходите с ним?

— Остаюсь.

Малик по-прежнему насмешливо смотрел на своего бывшего соученика, как если бы все происходящее было фарсом, жертвой которого стал Мегрэ.

— Ну, здесь уж ты неплохо позабавишься, уверяю тебя... Веселее места, чем гостиница «Ангел», не сыщешь... Ты увидел ангела и попался на удочку!.. — И, будто вспомнив о трауре, он добавил серьезнее: — Если бы все это не было так грустно, мы бы с тобой здорово над этим посмеялись... Давай хоть дойдем до нашего дома. Не возражай! Это необходимо... Я тебе объясню... Пока мы посидим за аперитивом, ты все поймешь.

Мегрэ все еще колебался. Он стоял неподвижно, огромный по сравнению со своим собеседником, таким же высоким, как он, но удивительно стройным.

— Пошли! — наконец сказал он словно с сожалением.

— Ты, конечно, согласишься с нами поужинать. В доме теперь, правда, не слишком весело после смерти племянницы, но...

Когда они уходили, Мегрэ заметил, что Жанна смотрит на них из своего темного угла; ему показалось, что она окинула злобным взглядом элегантный силуэт Эрнеста Малика.

ГЛАВА 2

Второй сын сборщика налогов

Пока Малик и Мегрэ шли вдоль реки, могло сложиться впечатление, что первый вел на поводке другого; Мегрэ, ворчливый и грубый, как огромный длинношерстый пес, неохотно тащился за Маликом.

Ему и вправду было не по себе. Еще в школьные годы он недолюбливал Сборщика, да и вообще терпеть не мог людей, неожиданно возникающих из прошлого, которые дружески хлопают вас по плечу и позволяют себе называть вас на «ты».

Тем более что Эрнест Малик был из той породы людей, которая всегда настораживала Мегрэ.

А тот, развязный, самодовольный, холеный, с блестящими волосами, шагал в своем прекрасно сшитом белом фланелевом костюме. Несмотря на жару, на лице его не было ни капли пота. Он уже вошел в роль знатного сеньора, показывающего свои владения бедняку. В глазах у него, как и прежде, когда он был мальчишкой, появлялась искорка иронии, мелькал лукавый блеск, который, казалось, вещал: «Я и прежде ловил тебя на удочку и поймаю снова... Как ты ни вертись, а я умнее тебя...»

Слева от них плавно изгибалась Сена, образуя излучину, обрамленную камышами, справа тянулись низкие ограды, отделявшие виллы от дороги, — одни совсем старые, другие почти новые.

Вилл было немного — четыре или пять, насколько мог судить комиссар. Нарядные дома прятались в больших, тщательно ухоженных парках. Через решетчатые ограды виднелись четкие ряды деревьев.

— А вот и вилла моей тещи, с которой ты имел счастье сегодня познакомиться, — сообщил Малик,

когда они проходили мимо ворот с большими каменными львами, глядящими сверху на прохожих. — Старый Аморель лет сорок назад купил ее у какого-то финансового магната времен Второй империи.

В тени деревьев виднелось обширное здание, не слишком красивое, но весьма солидное и богатое. Тоненькие струйки воды, вращаясь, орошали лужайки, а старый садовник, словно сошедший со страниц каталога, выпущенного торговцем семенами, чистил граблями аллеи.

— Что ты думаешь о Бернадетте Аморель? — спросил Малик, повернувшись к своему бывшему соученику и устремив искрящийся лукавством взгляд прямо в глаза Мегрэ.

Мегрэ вытер пот с лица, а его спутник посмотрел на него так, словно хотел сказать: «Бедняга! Ты нисколько не изменился. Все тот же недотепа, сын управляющего замком... Настоящий мужик. Святая простота, хоть и неглуп».

Но вслух сказал:

— Пойдем!.. Я живу немного дальше, за поворотом... Ты помнишь моего брата? Хотя, правда, ты мог его и не знать в лицо. Ведь он был младше нас на три класса. Шарль женился на младшей дочери Аморелей, а я, примерно в то же время, женился на старшей... В летние месяцы брат живет на этой вилле вместе с женой и нашей тещей. Это у него на прошлой неделе погибла дочь...

Еще сто метров, и они увидели слева плавучий причал, весь белый, роскошный, как причал фешенебельных яхт-клубов на берегу Сены.

— Здесь начинаются мои владения... У меня несколько маленьких лодок. Ведь надо же как-то развлекаться в этой дыре!.. Ты увлекаешься парусным спортом?

Какая ирония прозвучала в его голосе, когда он спросил у толстого Мегрэ, занимается ли тот парусным спортом, указав на одну из хрупких лодочек, привязанных между бакенами.

— Сюда...

Решетка с позолоченными стрелами. Аллея, усыпанная светлым блестящим песком. Парк спускался по отлогому склону, и скоро они увидели здание в современном стиле, куда более обширное, чем вилла Аморелей. Слева — теннисный корт, утрамбованный красневшим на солнце песком. Справа — бассейн.

А Малик, становясь все более развязным, напоминал красивую женщину, небрежно играющую с бриллиантовой брошью, стоящей миллионы. Кажется, он хотел сказать: «Смотри в оба, увалень! Ведь ты находишься у Малика. Да, у того самого малыша Малика, которого вы все в лицее пренебрежительно называли Сборщиком, потому что его папа целые дни проводил в кассе темной конторы».

К Малику подбежали два датских дога и стали лизать ему руки, а он принимал эти смиренные знаки преданности, словно не замечая их.

— Если хочешь, мы можем посидеть на террасе и выпить аперитив, пока не позвонят к ужину... Мои сыновья, должно быть, катаются на лодках...

Во дворе за виллой шофер без пиджака мыл из шланга мощную американскую машину, ослепительно блестящую хромированными частями.

Они поднялись по ступенькам на веранду и расположились под красным зонтом в плетеных креслах, глубоких, как кресла в клубях. К ним тут же поспешил дворецкий в белой куртке, и Мегрэ почувствовал себя так, будто он находится не в частном доме, а в курзале на водах.

— Розовый? Мартини? Манхэттен?.. Что ты предпочитаешь, Жюль? Если верить легендам, которые печатаются о тебе в газетах, то ты больше всего любишь выпить полулитровую кружку пива у цинковой стойки... К сожалению, цинковой стойки я еще здесь не устроил... Но, наверное, устрою... Вот будет забавно!.. Два мартини, Жан! Не стесняйся, можешь курить свою трубку... Так о чем же мы говорили? Ах да... Так вот, разумеется, мой брат и золовка порядком потрясены этой историей... Ведь это была их единственная дочь, понимаешь? Моя золовка никогда не отличалась крепким здоровьем...

Казалось, что Мегрэ не слушает. И все же слова Малика автоматически запечатлевались в его памяти.

Погрузившись в кресло, полузакрыв глаза, с зажженной трубкой в зубах, с недовольной миной на лице, он рассеянно любовался пейзажем, который действительно был очень красив. Солнце склонялось к закату и становилось пурпурным. С террасы, где они находились, видна была излучина Сены, обрамленная покрытыми лесом холмами, на одном из которых выделялась яркая белизна спускающегося к берегам карьера.

По темной шелковистой воде скользили белые паруса. Медленно проплыли несколько блестящих спортивных лодок. Протарахтела моторка и скрылась вдалеке, а воздух все еще вибрировал в ритме ее мотора.

Лакей поставил перед ними два слегка запотевших хрустальных бокала.

— Сегодня утром я пригласил брата с женой провести у нас день. Тещу приглашать бесполезно: она питает отвращение к семье и зачастую по целым неделям не покидает своей комнаты...

За его улыбкой таилось: «Где уж тебе понять, бедный толстый Мегрэ. Ты привык общаться с маленькими людьми, которые живут скромно, однообразно и не могут позволить себе и малейшей прихоти».

Мегрэ и вправду чувствовал себя здесь не в своей тарелке. Его раздражало все, что он видел вокруг: слишком гармоничные формы, слишком спокойные линии. Он начинал ненавидеть эту великолепную теннисную площадку, шофера, который мыл из шланга роскошный автомобиль, — и вовсе не из зависти: он не был способен на столь мелкие чувства. Мостик с вышками для прыжков в воду, лодки, привязанные к причалу, бассейн, подстриженные деревья, аллеи, посыпанные ровным, чистым песком, — все это составляло часть того особого мира, куда он проник против воли и где чувствовал себя весьма неуклюжим.

— Я рассказываю тебе все это, чтобы объяснить мое неожиданное появление в гостинице, у славной Жанны. Впрочем, «славная Жанна» — это просто так говорится. В действительности же это самое коварное существо на свете. Когда был жив ее муж, Мариус, она обманывала его всюду, а с тех пор как он умер — с утра до вечера ноет, вспоминая его.

Итак, мой брат и золовка сидели у нас. Когда настало время обеда, жена спохватилась, что забыла дома свои пилюли. У нее удивительное пристрастие к лекарствам. Она говорит, что все это от нервов. Я предложил сходить за пилюлями. Так как наши участки расположены рядом, я не стал выходить на дорогу, а пошел через сад. Случайно, проходя мимо бывших конюшен, я посмотрел на землю и заметил следы шин. Открываю дверь и с удивлением вижу, что старого лимузина моего покойного тестя нет на месте.

Вот, дружище, каким образом я попал на твой след. Я спросил у садовника, куда делась машина, и он признался, что час назад его помощник увез на ней Бернадетту. Когда они вернулись, я вызвал мальчишку и стал его расспрашивать. Он рассказал мне, что ездил в Мен-сюр-Луар и на обратном пути высадил на вокзале в Обрэ какого-то толстяка с чемоданом. Прошу прощения, старина, это он употребил слово «толстяк».

Я сразу же подумал, что моя очаровательная теща решила довериться какому-нибудь частному детективу. У нее мания преследования, и она убеждена, что гибель ее внучки связана бог знает с какой тайной.

Признаться, о тебе я и не подумал... Я знал, что в полиции существует какой-то Мегрэ, но не был уверен, что это тот самый Жюль из нашего лица... Ну, что ты на это скажешь?

В ответ Мегрэ проронил:

— Ничего.

Он молчал. Он думал о своем доме, столь непохожем на этот, о саде, баклажанах, о зеленых горошинах, падающих в эмалированную миску, и недоумевал, как это он мог безропотно последовать за властной старухой, которая буквально похитила его.

Он думал об ужасной тесноте и духоте в поезде, о своем прежнем кабинете на набережной Орфевр, где он допрашивал кучу разных негодяев, о бесчисленных бистро, множестве подозрительных отелей и всевозможных значных местах, где он бывал по долгу службы...

Думая обо всем этом, он все больше злился, чувствуя себя оскорбленным оттого, что находился здесь, во враждебной среде, под саркастическим взглядом Сборщика.

— Если тебе интересно, я сейчас покажу тебе дом. Я сам проектировал его с помощью архитекторов. Конечно, мы живем здесь не круглый год, а только летом. У меня квартира в Париже на авеню Ош. А еще я купил виллу в трех километрах от Довиля, и мы ездим туда в июле. В августе у моря столько народу, что просто не продохнуть. Если тебе это по душе, я охотно приглашу тебя провести несколько дней у нас. Ты играешь в теннис, ездешь верхом?..

Почему он еще не спросил, играет ли Мегрэ в гольф и не увлекается ли водными лыжами?

— Учти: если ты хоть сколько-нибудь всерьез принимаешь то, что тебе рассказала моя теща, я несколько не возражаю, чтобы ты провел расследование. Я весь к твоим услугам... Если тебе понадобится машина и шофер... А вот и моя жена!.. Позволь представить тебе Мегрэ, моего старого товарища по лицу... Моя жена...

Она протянула белую мягкую руку. И все у нее было белое: лицо, слишком светлые волосы.

— Садитесь, пожалуйста, месье.

Почему она производила такое впечатление, словно ей не по себе? Она как будто отсутствовала. Голос у нее был невыразительный, настолько безликий, что можно было усомниться, она ли произнесла эти слова. Она села в большое кресло, и казалось, что ей безразлично, быть ли здесь или где-нибудь еще. Впрочем, она подала какой-то знак своему мужу. Тот ее не понял. Тогда она взглядом показала на второй этаж виллы и уточнила:

— Жорж-Анри...

Малик нахмурился и, поднявшись, обратился к Мегрэ:

— Прости, я должен на минутку отлучиться.

Они остались вдвоем, неподвижные и молчаливые, — женщина и комиссар. Потом внезапно на

втором этаже послышался какой-то шум. Хлопнула дверь. Послышались быстрые шаги. Кто-то закрыл окно. Были слышны приглушенные голоса, отзвуки какой-то ссоры или по меньшей мере весьма ожесточенного спора.

Чтобы прервать молчание, мадам Малик спросила:

— Вы прежде не бывали в Орсене?

— Нет, мадам...

— Здесь живет хорошо тем, кто любит деревню. Прежде всего, спокойно, правда?

Слово «спокойно» в ее устах имело особый смысл. Она была такая безвольная, такая усталая, почти лишенная жизненной силы, ее тело так слилось с плетеным креслом, что вся она словно олицетворяла покой, вечный покой...

Тем не менее она прислушивалась к звукам, доносившимся со второго этажа. Шум там постепенно стихал, а когда все умолкло, она обратилась к Мегрэ:

— Значит, вы будете с нами ужинать?

Хотя мадам Малик и была хорошо воспитана, она не могла заставить себя улыбнуться хотя бы из вежливости. Просто констатировала факт. С видимой неохотой.

Малик вернулся, и когда Мегрэ взглянул на него, на лице хозяйина дома появилась фальшивая улыбка.

— Прошу прощения... Всегда возникают проблемы со слугами...

К ужину все не звонили, и разговор не клеился. В присутствии жены Малик держался не так развязно.

— Жан-Клод не вернулся?

— Мне кажется, я вижу его на причале.

Действительно, какой-то молодой человек в шортах, высадившись из легкой яхты, пришвартовал ее

и, перебросив через руку свитер, медленно подходил к дому. В ту же минуту зазвонили к ужину, и все прошли в столовую, где вскоре появился и Жан-Клод, старший сын Эрнеста Малика, вымытый, причесанный, в сером фланелевом костюме.

— Если бы я знал, что ты будешь у нас ужинать, я пригласил бы брата и золовку. Ты познакомился бы со всей семьей. Если ты не возражаешь, я приглашу их завтра. Можно будет позвать и наших соседей, у нас их не очень много. Обычно все собираются здесь... У нас всегда бывает народ... Приходят, уходят, чувствуют себя как дома.

Столовая была огромная и роскошная. Мраморная с розовыми прожилками столешница. Каждая тарелка стояла на маленькой салфетке.

— Вообще, если верить тому, что рассказывают о тебе в газетах, ты неплохо преуспел в полиции. Странная профессия... Я часто думал, как люди становятся полицейскими, в какую минуту и как начинают испытывать к этому призвание. Потому что, в конце концов...

Его жена теперь казалась еще более отсутствующей. Мегрэ наблюдал за Жан-Клодом, а молодой человек начинал внимательно рассматривать комиссара, как только тот отводил от него взгляд.

Жан-Клод, холодный, как мрамор стола, за которым они сидели, в свои девятнадцать или двадцать лет был столь же самоуверен, как и его отец. Такого, наверно, нелегко было смутить, а все-таки их всех что-то стесняло.

Никто не упоминал о Моните, погибшей на прошлой неделе. Быть может, избегали касаться этой темы в присутствии дворецкого?

— Видишь ли, Мегрэ, — сказал Малик, — вы все в лице были слепы и даже не подозревали, что го-

ворите, когда называли меня Сборщиком. Если ты помнишь, нам, небогатым, не позволяли сближаться с сыновьями мелкопоместных дворян и богатых буржуа. Некоторые из нас страдали от этого. Другие, например ты, нисколько не огорчались. Меня презрительно называли Сборщиком, но в том-то и заключалась моя сила, что я был сыном своего отца... Ты даже не представляешь, что только не проходит через руки сборщика. Я узнал грязные стороны жизни самых респектабельных на вид семейств... Я познакомился с жульническими делишками тех, кто обогащался... Я увидел, как одни возносились, а другие опускались, даже стремительно падали на дно, и я старался понять всю эту механику. Социальную механику, если хочешь. Почему же это одни возносятся, а другие опускаются...

Он рассуждал с презрительным видом, сидя в своей роскошной столовой, где даже пейзаж за окнами как бы свидетельствовал о его успехе.

— И я стал подниматься вверх...

Само собой разумеется, блюда за ужином подавались самые изысканные, но комиссар не был охотником до всех этих деликатесов, до этих замысловатых закусок под соусами, неизменно украшенных кусочками трюфелей и раковыми шейками. Дворецкий беспрестанно наклонялся, чтобы наполнить какой-нибудь из стоявших перед Мегрэ бокалов.

Небо с одной стороны окрасилось в зеленый, холодный зеленый цвет, а с другой стало красным и местами даже лиловым; и только редкие облака выделялись на нем наивной белизной. По Сене проплывали запоздавшие лодки, и рыба, выпрыгивая из воды, оставляла на ней медленно расходившиеся круги.

У Малика, по-видимому, был тонкий слух, не менее тонкий, чем у Мегрэ. По крайней мере, оба они

услышали какой-то звук, но звук едва уловимый. Только вечерняя тишина позволила различить этот еле слышный шорох.

Вначале раздался какой-то скрип. Должно быть, у одного из окон второго этажа, как раз с той стороны, где лишь недавно, перед ужином слышались громкие голоса. Потом какой-то приглушенный шум в парке...

Отец и сын переглянулись. Мадам Малик даже не пошевелилась, продолжая методично подносить вилку ко рту.

Малик вскочил, положил свою салфетку на стол и кинулся к двери, легко и бесшумно ступая в своих туфлях на мягкой подошве.

Дворецкий отнесся к происходившему так же спокойно, как и хозяйка дома. Но Жан-Клод слегка покраснел; не зная, что сказать, он несколько раз открывал рот и наконец произнес с такой же улыбкой, как и у Эрнеста Малика:

— Не правда ли, отец для своего возраста еще очень подвижен?

Другими словами: «В доме, конечно, что-то происходит, но вас это не касается. Продолжайте есть, а до остального вам нет дела».

— Он регулярно обыгрывает меня в теннис, а я ведь считаю неплохим игроком. Это удивительный человек...

А Мегрэ, глядя в тарелку, повторил за ним:

— Удивительный...

Кого-то заперли в комнате, там, наверху. Это было ясно. Как видно, узнику надоело сидеть взаперти, и перед ужином Малик вынужден был подняться наверх, чтобы приструнить его.

Воспользовавшись тем, что вся семья собралась за ужином в столовой, этот кто-то решил сбежать.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕГРЭ СЕРДИТСЯ. <i>Перевод Н. Брандис</i>	5
МОЙ ДРУГ МЕГРЭ <i>Перевод Н. Брандис и А. Тетеревниковой</i>	147
МЕГРЭ, ЛОНЬОН И ГАНГСТЕРЫ <i>Перевод Л. Лунгиной</i>	311